

Список использованных источников:

1. Пишем в суд [Электронный ресурс] // Telegram. – Режим доступа: <https://t.me/pishemvsud>. – Дата доступа: 05.03.2023.
2. Ильяхов, М. Ясно, понятно: Как доносить мысли и убеждать людей с помощью слов / М. Ильяхов. – М. : Альпина Паблишер, 2021. – 448 с.
3. Butterick, M. Summary of key rules [Electronic resource] / M. Butterick // Typography for lawyers. Essential tools for polished & persuasive documents. – Mode of access: <https://typographyforlawyers.com>. – Date of access: 05.03.2023.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Козыревская Лариса Анатольевна

Белорусский государственный экономический университет,
кандидат юридических наук, доцент

Нормальный результат развития наследственного правоотношения – это приобретение наследства, для чего, в соответствии со ст. 1069 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) наследник должен его принять, т. е. завершение процесса наследственного правопреемства и, соответственно, установление права собственности наследника на наследственное имущество и вступление последнего в правоотношения, допускающие правопреемство, вместо наследодателя. Действующее законодательство предполагает совершение действий, очевидно свидетельствующих о направленности воли лица выступить правопреемником умершего. Иными словами, акт принятия наследства является сделкой. Необходимость активных волевых действий со стороны наследника, как условие реализации наследственных прав, отмечалась в разное время разными авторами. Так, Б. С. Антимонов и К. А. Граве писали: «Наследник, призванный к наследованию, – это возможный правопреемник наследодателя, наследник же, принявший наследство, – это действительный правопреемник наследодателя» [1, с. 191].

Легальное определение понятия «принятие наследства» в белорусском, как и российском законодательстве отсутствует. С учетом анализа содержания 72-ой главы ГК в контексте системы гражданско-правовых категорий обычно принятие наследства трактуют, как одностороннюю сделку. Именно так данный акт классифицируется в научной и учебной литературе [2, с. 334]. В частности, в коллективной монографии, подготовленной Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации подчеркивается, что рассматриваемое понятие есть «...сделка односторонняя, выражающая свободную, ничем не связанную волю призванного наследника» [3, с. 162]. Причем с тезисом о ничем не ограниченной воле наследника применительно к данной сделке можно согласиться только в том смысле, что невозможно принудить наследника ни к

принятию, ни к отказу от наследства. Между тем, возможность совершения такой сделки ограничивается как специальными законодательными нормами, так и волеизъявлением других наследников и самого наследодателя. В частности, законодательно определены сроки, в рамках которых наследник может реализовать своё право на принятие наследства. Закрепленное ст. 1064 ГК право на обязательную долю ограничивает наследника по завещанию в реализации указанных прав. Для подназначенных наследников, а также наследников по закону второй и каждой последующей очереди возможность совершить данную сделку предопределяется фактом непринятия наследства наследниками, находящимися в приоритетной позиции, т.е. возможность волеизъявления одного лица обуславливается волевыми актами других лиц, что в целом не характерно для односторонних сделок. Кроме того, иные наследники могут в судебном порядке потребовать признания данного лица недостойным наследником, и, соответственно, исключить его как субъекта наследственного правопреемства. Более того, наследодатель вправе включить в завещание условия относительно поведения наследника, несоблюдение которых сделает невозможным принятие наследства (п. 4 ст. 1041 ГК). Иными словами, если принятие наследства и является односторонней сделкой, то сделкой особого характера, возможность совершения которой определяется во взаимодействии с иными участниками конкретного наследственного правоотношения и волеизъявлением наследодателя.

В ст. 155 ГК односторонней сделкой является сделка, для совершения которой в соответствии с законодательством или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли (действия) одной стороны. Следовательно, принимая во внимание легальное определение сделки (ст. 154 ГК), выражение воли наследника, направленное на установление правопреемства в правах и обязанностях умершего, должно непосредственно устанавливать или изменять эти правоотношения. Однако, как было отмечено ранее, возникновение правопреемства для отдельных категорий наследников поставлено в зависимость от волеизъявления иных лиц. Данный тезис можно проиллюстрировать путем интерпретации положений ст. 1071, 1072 в сопоставлении со ст. 1077 следующим образом: единственный наследник по завещанию, пропустивший срок для принятия наследства, восстанавливает этот срок после выдачи свидетельства о праве на наследство наследникам по закону. В этом случае выданные свидетельства признаются недействительными, т.е. для наследников по закону, невзирая на надлежаще заявленное ими волеизъявление, никаких гражданских прав в отношении наследственной массы не возникнет, а имущественные отношения между потенциальными наследниками по закону и вступившим в наследство наследником по завещанию будут регулироваться по правилам института обязательств из неосновательного обогащения. Квалификация в описанной ситуации принятия наследства наследниками по закону в качестве недействительной сделки представляется некорректным поскольку, во-первых, не отвечает ни одному из оснований недействительности сделки,

установленных в белорусском гражданском праве, а, во-вторых, невозможно ставить действительность односторонней сделки, субъект которой действовал добросовестно и разумно, в зависимости от одностороннего волеизъявления другого участника правооборота.

Специфика акта волеизъявления наследника на принятие наследства и, как результат – затруднения в классификации его в качестве односторонней сделки предопределяется особенностью самого субъективного права, реализуемого в указанной юридической форме, на что неоднократно обращалось внимание разными авторами. Так, Н. Ю. Рассказова отмечает, что это право «выступает промежуточным звеном между открытием и приобретением наследства... наследнику противостоят все и каждый, обязанные не чинить ему препятствий..., но в отличие от иных абсолютных прав... оно обеспечивает лицу не обладание имуществом, а возможность приобрести право на имущество» [4, с. 101]. Некоторые ученые вообще отрицают классификацию права на принятия наследства как субъективного права: «принятию наследства... не соответствует обязанность каких-либо субъектов... это одностороннее волеизъявление является реализацией правоспособности лица (наследника) путем совершения сделки, которая возможна при наличии установленных законом юридических фактов (наступления смерти наследодателя, совершенного завещания» [5, с. 28]. В целом ряде современных публикаций право на принятие наследства рассматривать как секундарное право [6, 7]. Не обращаясь к анализу понятия самого секундарного права, которое является предметом многочисленных дискуссий в правовой науке, в качестве обобщающей позиции можно отметить, что секундарное право не предполагает встречной обязанности, а, его осуществление происходит в рамках односторонних сделок, результатом которых является «связанность всех третьих лиц волей своего носителя – наследника» [7, с. 19]. При этом в литературе не разъясняется природа этой «связанности». Как известно, односторонняя сделка может создавать обязанности у третьих лиц только в случаях, предусмотренных законодательными актами или соглашением с этими лицами (ст. 156 ГК). Применительно к наследованию законодательные акты не закрепляют случаев возникновения обязанностей у других наследников, а признание договора о восстановлении пропущенного срока для принятия наследства в качестве юридического факта, изменяющего наследственное правоотношение, нельзя рассматривать как соглашение о принятии обязанностей, возлагаемых на лицо, не являющееся субъектом односторонней сделки.

Таким образом, думается, что акт принятия наследства скорее отвечает критериям юридического поступка. Такая квалификация позволит, в том числе разрешить противоречие между двумя способами принятия наследства: формальным и фактическим. Достаточно строгие нормы о форме сделки не допускают возможности замены нормативно определенной нотариальной формы на устную (совершенную в форме конклюдентных действий) по желанию участников гражданско-правовых отношений. Трактовка принятия наследства, как сделки влечет необходимость пересмотра общих положений о

форме сделки, которые, в большинстве своём, носят императивный характер. Опираясь на определение юридического поступка, предложенное О. А. Красавчиковым [8, с. 114], принятие наследства можно определить, как правомерное действие, получившее или не получившее формально-юридическое закрепление, направленное на установление наследственного правопреемства, результат которого обусловлен совокупностью отсутствием или наличием совокупностью законодательно установленных юридических фактов.

Еще одна проблема, связанная с реализацией права на наследство, касается характеристики правосубъектности его носителя. Поскольку данное право согласно ст. 17 ГК входит в содержание гражданской правоспособности, постольку его осуществление непосредственно связано с вопросом о дееспособности. На указанную проблему, в частности, обратила внимание А. Е. Казанцева, которая указала на пробел в правовом регулировании наследственных отношений, в ситуации, когда в число наследников входит гражданин, признанный безвестно отсутствующим [9, с. 128]. Разрешить наследственное правоотношение в данном случае, опираясь на нормы, регулирующие пропуск и восстановление сроков для принятия наследства, значит заведомо поставить наследников, принявших наследство в состоянии правовой неопределенности. Кроме того, такой наследник впоследствии может быть признан умершим, в связи с чем могло бы возникнуть право на наследование по праву представления, но несоответствие в датах смерти наследодателя и даты вступления в силу решения суда о признании пропавшего наследника умершим, лишит возможности его потомков, например, внуков наследодателя претендовать на наследство. Кроме того, в ст. 895 ГК неявным образом признаётся возможность существования особого положения применительно к дееспособности (в доктрине его именуют как «адееспособность») – бессознательное состояние (кома). Гражданин, находящийся в таком состоянии, не может быть признан недееспособным ввиду отсутствия соответствующих оснований (его болезнь не связана с психическими расстройствами), но, одновременно, он не может своими действиями реализовать принадлежащие ему права. Думается, что во всех указанных случаях можно было бы заимствовать модель, используемую в германской ветви континентального права модель, основанную на презумпции принятия наследства (§1484–1489 Германского гражданского уложения), закрепив в законодательстве возможность её опровержения впоследствии либо самим наследником, либо его представителем, а также решением суда, которым такой наследник признаётся умершим. Такой подход позволил бы избежать, во-первых, неопределенности в имущественных отношениях, а, во-вторых, обеспечить права всех заинтересованных лиц.

Список использованных источников:

1. Антимонов, Б. С. Советское наследственное право / Б. С. Антимонов, К. А. Граве. – М. : Госюриздат, 1955. – 264 с.

2. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. Е.Ю. Петров. – М. : М-Логос, 2018 – 656 с. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view>. – Дата доступа: 24.03.2023 г.
3. Булаевский, Б. А. Наследственное право / Булаевский Б. А. [и др.]; отв. ред. К. Б. Ярошенко. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 448 с.
4. Рассказова, Н. Ю. Право на принятие наследства / Н. Ю. Рассказова // Закон. – 2006. – № 10. – С. 90–104.
5. Родионова, О. М. К вопросу о правовой природе принятия наследства / О. М. Родионова // Нотариус. – 2011. – № 2. – С. 26–28.
6. Волгаев, М. В. Принятие наследства: доктрина и практика [Электронный ресурс] / М. В. Волгаев, Н. В. Ростовцева. – Режим доступа: <https://pravo163.ru/prinyatie-nasledstva-doktrina-i-praktika/>. – Дата доступа: 26.03.2023 г.
7. Исмаилова, Ф. И. Правовая природа права на принятие наследства / Ф. И. Исмаилова // Молодой ученый. – 2021. – № 2 (344). – С. 93–95.
8. Киминчижи, Е. Н. Право наследования как секундарное право / Е. Н. Киминчижи // Наследственное право. – 2010. – № 10. – С. 17–19.
9. Красавчиков, О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – М. : Госюриздат, 1958. – 183 с.
10. Казанцева, А. Е. Принятие наследства / А. Е. Казанцева // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 3 (32). – С. 127–133.

ДОГОВОР АРЕНДЫ И ПОРЯДОК ПЕРЕДАЧИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: ВАЖНЫЕ АСПЕКТЫ И СПЕЦИФИКА

Коляда Валерия Андреевна

Белорусский государственный экономический университет,
аспирант

Одним из самых распространенных видов сделок в последнее время является передача недвижимого имущества в аренду. Достаточно много таких сделок осуществляется в г. Минске. Из-за совершенствования отечественного законодательства, а также постоянной востребованности вышеуказанной сделки, на практике часто возникают различного рода вопросы, которые требуют безотлагательного решения.

Арендные отношения регулируются законодательством Республики Беларусь в сфере арендных правоотношений - нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь, глава 34 (далее – ГК), Декретом Президента Республики Беларусь от 19 декабря 2008 № 24 «О некоторых вопросах аренды капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест», Указом Президента Республики Беларусь от 29 марта 2012 №